

Российско-американские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: фактор Китая

Лариса Николаевна Гарусова,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор ВГУЭС, Владивосток.

E-mail: lgarusova@mail.ru

В статье рассматриваются современные взаимоотношения США, России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основные интересы внешней политики США сконцентрированы в Китае, ближайшем соседе и партнере России в АТР. Политика Соединённых Штатов в отношении России и российского Дальнего Востока также детерминируется «фактором Китая». В свою очередь, правительство России уверено, что сотрудничество с Китаем будет способствовать социально-экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока. В свете событий на Украине, конфронтация России с США повлечёт за собой серьёзные политические и экономические последствия, и Северо-Восточная Азия сможет, наконец, стать действительно самым важным партнёром России.

Ключевые слова: внешняя политика США, российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, «китайский фактор», сотрудничество, конфронтация, стабильность, безопасность.

Russian-American relations in the Asia Pacific region: the China's factor.

Larisa N. Garusova, Dr. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Professor of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok.

The paper examines the modern relations of the USA, Russia and China in the Asia Pacific region. The main U.S. foreign policy interests are concentrated in China — Russia's nearest neighbor and partner in the Asia Pacific region. U.S. policy toward Russia and the Russian Far East is also determined by the «China's factor». In turn, the Russian government is confident that cooperation with China will contribute to socio-economic development of Siberia and the Russian Far East. In light of recent developments in Ukraine, Russia's confrontation with the USA will have serious political and economic repercussions and North-East Asia may finally become Russia's most important partner.

Key words: U.S. foreign policy, Russian Far East, Asia Pacific region, «China's factor», cooperation, confrontation, stability, security.

Отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в настоящее время стали приоритетными для многих стран мира, включая США и Россию. Именно здесь формируется новый мировой финансово-экономический и политический центр. Здесь сконцентрированы главные интересы Китая, а две другие великие державы — Америка и Россия — позиционируют

себя его стратегическими партнёрами. В АТР сложился некий виртуальный треугольник «РФ — США — КНР», при этом возможности, ресурсы, цели и приоритеты в АТР у каждой из его сторон различны. Соединённые Штаты провозглашают Азиатско-Тихоокеанский регион главным направлением своей внешней политики в XXI в., Китай демонстрирует потенциал регионального и мирового лидера, Россия позиционирует себя страной, желающей достойно интегрироваться с передовыми азиатскими экономиками. Разумеется, есть и точки соприкосновения между странами — проблемы Корейского полуострова, ядерная, энергетическая, продовольственная, экологическая безопасность и т.п. Вопрос в том, смогут ли общие интересы сторон смягчить их конкуренцию и нейтрализовать разногласия, а также в том, насколько их двусторонние отношения угрожают третьей стороне, равно как и безопасности региона в целом.

В настоящее время Соединённые Штаты Америки активно позиционируют себя в качестве тихоокеанской державы. Первая администрация президента Барака Обамы (2009—2013 гг.) официально провозгласила Азиатско-Тихоокеанский регион главным направлением своей внешней политики. Вторая президентская администрация (2013—2017 гг.), сформированная в феврале 2013 г., подтвердила готовность США к активному взаимодействию со странами АТР и «восстановлению» там регионального стратегического баланса. Именно в страны АТР — Таиланд, Мьянму и Камбоджу — Барак Обама совершил первые визиты и принял участие в Восточноазиатском саммите сразу же после переизбрания на второй президентский срок в ноябре 2012 г.

В «программном» внешнеполитическом выступлении в Конгрессе от имени новой администрации 26 февраля 2013 г. заместитель госсекретаря Джозеф Юн подтвердил значение АТР для США. Он заявил, что восстановление «стратегического баланса (rebalance) в Азиатско-Тихоокеанском регионе отражает глубокое признание того, что Соединённые Штаты должны существенно расширить свои политические, экономические и оборонные инвестиции в Азиатско-Тихоокеанский регион», Дж. Юн. отметил, что это имеет фундаментальное значение для «будущего процветания и безопасности» [21].

Тем самым Дж. Юн повторил тезис бывшего госсекретаря США Хиллари Клинтон о том, что «одна из наиболее важных задач американского государственного управления на следующее десятилетие состоит в том, чтобы существенно увеличить инвестиции в Азиатско-Тихоокеанский регион — дипломатические, экономические, стратегические и иные» [8]. Современная стратегия США в АТР, по словам Дж. Юна, должна быть расширена за счёт Южной Азии: «Мы связаны с Азией нашей географией, историей, союзами, экономиками и человеческими отношениями, значение которой только вырастет в следующем десятилетии. Южная Азия будет играть решающую роль в этом начинании» [21].

Ключевые направления современной тихоокеанской стратегии США были определены ещё в 2010—2011 гг. президентом Бараком Обамой

и тогдашним госсекретарём Хиллари Клинтон. Так, в выступлении перед слушателями известного исследовательского центра «Восток—Запад» в Гонолулу в январе 2010 г. госсекретарь сформулировала тезис об АТР как главном приоритете американской внешней политики в XXI в.: «...будущее Америки связано с будущим Азиатско-Тихоокеанского региона, и будущее этого региона зависит от Америки» [9]. В концептуальной статье «Тихоокеанский век Америки» (ноябрь 2011 г.) Х. Клинтон обосновала политические и экономические причины «поворота» американской внешней политики в сторону АТР: «Будущее геополитики решается в Азии, а не в Афганистане или Ираке, и Соединённые Штаты должны быть прямо в центре событий» [8].

По её словам, АТР является «домом» для традиционных американских союзников — Японии, Южной Кореи, Австралии и Филиппин, а также важнейших «поднимающихся» держав — Китая и Индии. В АТР сгруппированы «перспективные» партнёры Америки — Индонезия, Малайзия, Сингапур, Бруней, Новая Зеландия, страны Тихоокеанских островов, а также «молодые демократии» — Вьетнам и Монголия. Сотрудничество с этими странами является «частью американской стратегии вовлечения» в регионе.

В новом веке США стали для стран АТР источником инноваций, «которые приносят пользу рабочим и бизнесу по обе стороны Тихого океана», торговым партнёром номер один для региона и самым крупным или вторым по величине партнёром каждой из крупнейших экономик АТР — Китая, Японии, Республики Корея, Мексики, Канады, Гонконга. По данным Госдепартамента США, в 2009—2012 гг. страны АТЭС импортировали 60% от общего объёма экспорта американских товаров и около 40% объёма американских частных услуг, поддерживая при этом примерно шесть миллионов американских рабочих мест [5].

Однако в АТР сосредоточены и главные для США вызовы XXI в. — подъём Китая, растущее влияние Индии, региональная нестабильность, связанная с ядерной угрозой КНДР. Все эти факторы заставляют Вашингтон не только укреплять традиционные политические союзы, но и привлекать новых региональных партнёров. Одним из них могла бы стать и Россия. В свою очередь, статус России в АТР во многом детерминирован внешней политикой США — мирового и регионального лидера. Поэтому периодические ухудшения взаимоотношений Москвы и Вашингтона становятся весьма существенным препятствием для продуктивного встраивания России в интеграционные процессы и систему безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона.

Россия сегодня не является главным приоритетом и тем более фаворитом американской внешней политики, что весьма наглядно обозначено в официальной «Стратегии национальной безопасности США» 2010 г. «Мы [Соединённые Штаты] трудимся, чтобы построить более глубокие и эффективные партнёрские отношения с другими ключевыми центрами влияния, включая Китай, Индию и Россию, так же, как и со всё более

и более влиятельными нациями, такими как Бразилия, Южная Африка и Индонезия, — так, чтобы мы могли сотрудничать по двусторонним и глобальным проблемам» [14]. Фактически это означает, что место современной России в политике Вашингтона второстепенно и находится между «ключевыми центрами влияния» в лице Китая и Индии, с одной стороны, и странами «второго эшелона» — с другой. При этом её международная роль оценивается преимущественно в связи с участием в решении глобальных проблем.

Россия практически не упоминается в официальных документах США, касающихся АТР, что выглядит парадоксально, поскольку эти страны являются ближайшими тихоокеанскими соседями, участвующими в трансграничном сотрудничестве. Дальний Восток России (Тихоокеанская Россия) и Западное побережье США поддерживают на протяжении последних 20 лет стабильные, хотя и весьма неровные, экономические, политические и гуманитарные связи. Внимание официального Вашингтона к российскому Дальнему Востоку сегодня минимально и проявляется ситуативно, реактивно, эпизодически и точно — в ответ на конкретные события. Складывается впечатление, что высшие должностные лица США сознательно избегают упоминать Россию как часть Азиатско-Тихоокеанского региона, воспринимая её, скорее, восточноевропейской, нежели тихоокеанской державой.

В целом политика США на российском Дальнем Востоке является составным элементом государственной политики в отношении Российской Федерации. На Тихоокеанскую Россию распространяются все подходы и оценки этой политики. При этом многие сюжеты российско-американских межгосударственных отношений непосредственно локализованы или географически «привязаны» к Дальнему Востоку. Это проблемы ядерной безопасности на Корейском полуострове, нераспространение оружия массового уничтожения, сотрудничество в области энергетики и экспорт углеводородов из России в страны АТР, возможности России в качестве транзитно-транспортного коридора между Европой, Азией и Америкой и т.д.

«Китайский фактор», под которым понимается экономический и военный подъём Китая, расширение его влияния на мировое сообщество, является основной причиной усиления внимания Соединённых Штатов к России в АТР. Угроза усиления Китая за счёт «освоения» им российского Дальнего Востока — составная часть данной причины. Политика Соединённых Штатов по отношению к Тихоокеанской России определяется также интересами их азиатских союзников — Японии и Республики Корея, что делает американскую политику косвенной и опосредованной по ряду аспектов.

Низкий уровень интереса к России в целом и отдельным её регионам в частности характерен сегодня для американской элиты и общества. В феврале 2012 г. в США были опубликованы результаты масштабного исследовательского проекта одного из старейших американских

университетов — Колледжа Вильяма и Мэри (College of William and Mary) — на предмет выявления взглядов американской академической и «практикующей» политической элиты по ряду международных вопросов. Опрос американских «академиков» и «политиков» засвидетельствовал катастрофически низкий интерес к России: только 3% университетских учёных считают территорию бывшего СССР, включая Россию, регионом, имеющим важное стратегическое значение для Соединённых Штатов. Эти же 3% «академиков» подтвердили сохранение стратегической значимости России и стран СНГ для Америки через 20 лет. Политики-практики в своих оценках России проявили ещё больший скептицизм. По их мнению, и сегодня, и через 20 лет Россия сохранит нулевое значение для американской внешней политики. В то же время 45% университетских учёных и 50% «политмейкеров» назвали важнейшим стратегическим регионом сегодня Восточную Азию и Китай. В долгосрочной перспективе значение Восточной Азии и Китая только возрастёт. Это признало огромное число и «академиков» (72%), и «политиков» (85%) [19].

Не Россия, а именно Китай является главным приоритетом американской внешней политики. Китай позиционируется важнейшим экономическим партнёром США в АТР, от сотрудничества с которым зависит региональное и глобальное будущее. «На экономическом фронте Соединённым Штатам и Китаю необходимо работать вместе, чтобы обеспечить сильное, устойчивое и сбалансированное будущее глобального роста» [6]. Американские инвестиции в Китай уже достигли более 50 млрд долл., что создаёт прочный фундамент для нового рынка и глобальной конкуренции. Китай сегодня является главным торговым партнёром Америки. (Для сравнения — Россия занимает 24-е место во внешней торговле США и 25-е как инвестор). Соединённые Штаты для Китая — это второй после Евросоюза торговый партнёр и 5-й по значимости инвестор в китайскую экономику.

В оценке перспектив китайско-американского сотрудничества в экспертном сообществе преобладают два подхода. Один строится на приоритете роста взаимозависимости в финансово-экономической сфере двух стран. Экономические интересы двух держав являются гарантией от глобального конфликта КНР и США. Более того, часть экспертного сообщества считает, что декларируемые противоречия между США и КНР — это лишь «внешняя имитация конфликтности». Другой подход предполагает неизбежный рост противоречий Вашингтона и Пекина (вплоть до военного столкновения), который никак не может быть устранён усилением финансово-экономической взаимозависимости. Подъём Китая и переход его в категорию сверхдержавы только усиливает «внутреннюю китайско-американскую конфликтность», которая всегда будет присутствовать в отношениях Китая и США, т.к. обусловлена «противоположными геополитическими интересами». В реальности взаимоотношения Китая и Америки балансируют между этими двумя крайностями.

Сегодня отношения США и Китая, несмотря на имеющиеся разногласия, — это реальное стратегическое партнёрство. Соединённые Штаты не намерены ограничивать сотрудничество с Китаем, хотя его подъём вызывает определённые опасения. Официальная позиция Вашингтона такова — всё, что служит процветанию Америки, — также хорошо и для Китая, и всё, что служит процветанию Китая — хорошо для Америки. В 2013 г. в Калифорнии на встрече президента Барака Обамы и Председателя КНР Си Цзиньпина было заявлено об установлении «отношений нового типа» между США и Китаем. Тем самым остальным странам даётся понять, что бесполезно пытаться внести раскол в китайско-американское сотрудничество или запугать Соединённые Штаты усилением конкурентного потенциала Китая.

Тем не менее взаимозависимость сторон по некоторым вопросам постепенно приобретает асимметричный характер. Например, в последние несколько лет Вашингтон признаёт, что только Китай способен повлиять на северокорейский режим. Это наглядно проявилось в период транзита власти к новому лидеру КНДР Ким Чен Ыну [2, с. 126, 130]. Одновременно китайская сторона демонстративно отрицает возможность такого влияния. По словам Чжуан Цзяньчжуна (Zhuang Jianzhong), заместителя директора Центра национальных стратегических исследований Шанхайского университета Цзяо Тун (Shanghai Jiao Tong University), «в Вашингтоне многие думают, что Пекин в состоянии контролировать Пхеньян. Но Китай никогда не мог контролировать КНДР. Северокорейцы — очень сильный и упрямый народ» [4].

Приоритетность стратегического партнёрства с Китаем для США стала наглядно видна в период очередного обострения ситуации на Корейском полуострове (февраль — апрель 2013 г.). Одной из главных причин отказа Соединённых Штатов нанести по просьбе своих южнокорейских союзников превентивный удар по ядерным целям КНДР было нежелание американцев спровоцировать интервенцию на Корейский полуостров китайских вооружённых сил и американо-китайское военное столкновение [20]. Следует понимать, что США не собираются жертвовать своими партнёрскими отношениями с Китаем, а тем более конфликтовать с ним, даже если на кону стоят интересы их традиционных союзников. Пока Вашингтону удастся поддерживать конструктивные отношения с Пекином по самым сложным региональным проблемам.

Однако было бы неправильным игнорировать тот факт, что США твёрдо намерены сохранить своё военно-политическое доминирование в АТР в условиях растущей мощи КНР. В таком контексте Америка и Китай являются соперниками за влияние в Тихоокеанском регионе и мире. Новая оборонная стратегия Вашингтона (2012 г.), одобренная президентом Обамой, предусматривает расширение военного присутствия США в АТР в ответ на усиление военной мощи Китая. Уже в текущем десятилетии предполагается базирование в Тихом океане 60% американских ВМС. При этом сокращение оборонного бюджета не должно повлиять на

эффективность американского военного присутствия в регионе. «США будут усиливать своё присутствие в Азиатской Пасифике, и сокращение [военного] бюджета не повлияет на расходы в данном, исключительно значимом, регионе» [18].

В долгосрочной перспективе новая военная стратегия Пентагона, нацеленная на АТР, может поставить вопрос о более серьёзных угрозах азиатским союзникам США, а также другим тихоокеанским странам, включая Россию. «С точки зрения конкуренции Америки и Китая на международной арене, потенциальной конфликтности китайско-американских отношений, усилится стратегическая ценность для США не только их традиционных союзников (Японии и Республики Корея), но и других стран СВА» [12], в т.ч. России. Например, южнокорейские аналитики опасаются, что США могут потребовать от Республики Корея присоединиться к своей политике «контроля и ограничения» Китая, принять участие в американской программе ПРО, разместив у себя элементы этой системы, а также активизировать трёхстороннее военное сотрудничество в формате Южная Корея — США — Япония. В связи с этим перед странами СВА актуализируется задача поддерживать «здоровые» партнёрские отношения с Соединёнными Штатами, не прерывая при этом разностороннего стратегического партнёрства с Китаем. В таком контексте излишняя «демонстративность» России в проявлении симпатий к Китаю только усилит напряжённость в российско-американских отношениях.

Китай является важнейшим экономическим и политическим партнёром не только Америки, но и России. По официальному мнению Москвы и Пекина, сотрудничество России и Китая в экономике, энергетике и других сферах является важным фактором экономической и международной стабильности. Подписанное 5 июня 2012 г. российско-китайское «Заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнёрства и стратегического взаимодействия» является наглядным тому подтверждением. В свете недавних событий на Украине, конфронтация России с Западом и США только усилит китайский вектор внешней политики Москвы, поэтому Северо-Восточная Азия, возможно, вскоре станет ключевым партнёром РФ. Официальные заявления президента В. Путина и председателя Си Цзиньпина в Шанхае в мае 2014 г., а также подписанный по итогам встречи «исторический контракт» стоимостью в 400 миллиардов долларов на поставку в КНР 38 миллиардов кубометров российского газа сроком на 30 лет также свидетельствуют в пользу такой перспективы.

Интерес США к России в АТР через призму китайского фактора следует рассматривать в двух аспектах:

- Россия как угроза Соединённым Штатам, поскольку своим сотрудничеством с Китаем она его существенно усиливает;
- Россия как потенциальный союзник Америки в борьбе с усилением китайского влияния в региональном и глобальном масштабах.

При этом потенциал России и в качестве угрозы, и в качестве потенциального союзника связан с одними и теми же ресурсами — энергетическими, транзитно-транспортными и ядерными.

Подъём Китая и расширение российско-китайского сотрудничества давно вызывают беспокойство в американской элите и обществе. В аналитическом докладе, представленном правительству США группой известных американских экспертов ещё в конце 2011 г., даётся следующая рекомендация: «Принимая крупные решения по международной политике, Соединённые Штаты должны задумываться о том, не дадут ли действия США повод для консолидации российско-китайского сотрудничества в ущерб глобальным целям Америки» [16]. Наибольшие опасения США и их союзников — Японии и Южной Кореи — вызывают следующие направления сотрудничества Москвы и Пекина, в т.ч. в АТР:

- экспорт вооружений и военных технологий из России в КНР. Соединённые Штаты должны «побуждать Россию воздерживаться от дестабилизирующих действий» в области вооружений или продаж военных технологий в Китай;
- поддержка или нейтралитет России в отношении Китая в его т.н. морских спорах с союзниками США за морские ресурсы Восточной Азии (природные, транспортно-коммуникационные, судоходные, стратегические и т.д.);
- нацеленность экспорта российских углеводородов преимущественно на китайские рынки.

По прогнозам политического обозревателя (The Diplomat) Дж. Майкла Коула, Америка вряд ли сумеет одновременно противостоять усилению Китая в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии, а также росту российского присутствия в Арктике и у границ прибалтийских стран. Китай и Россия или будут противостоять ослабленному и неспособному сконцентрироваться противнику, или просто заставят Америку пойти на непосильные затраты и «надорваться». Китай и Россия совместными усилиями могут заставить Вашингтон — даже если он всерьёз займётся Азией — распылять силы, а значит действовать неэффективно. Для этого им потребуется только расширять спектр задач, стоящих перед США в области безопасности, что будет дополнительно увеличивать нагрузку на весьма ограниченные ресурсы американских вооружённых сил [10].

Несколько лет назад сотрудничество России и Китая на Западе стали называть «осью удобства». Со временем отношения между двумя странами стали лишь «удобнее» для обеих. Москва и Пекин урегулировали — хотя бы на время — свои территориальные споры и теперь сотрудничают на стратегическом уровне, в т.ч. и в направлении «выдавливания» США из Азии. Недавние события на Украине и обострившаяся конфронтация Москвы с Западом только усилили китайский и восточноазиатский векторы внешней политики России. Можно предполагать, что в ближайшее

время не Европейский Союз, а Северо-Восточная Азия может стать главным торгово-экономическим партнёром России.

С точки зрения глобальной политики, создание китайско-российского энергетического союза приведёт к консолидации формирующейся биполярной структуры в Восточной Азии, один из полюсов которой возглавит Китай (с участием России), а второй — Соединённые Штаты (и их союзники: Япония и Южная Корея). Огромные запасы углеводородов дают России возможность «создавать проблемы для Соединённых Штатов». В настоящее время разногласия по энергетическим вопросам во многом заменили идеологическую конфронтацию, характерную для периода «холодной войны». Энергетика стала центральным элементом в формировании новой парадигмы безопасности в АТР. В связи с этим Россия, а не США имеет шанс занять лидирующие позиции в Северо-Восточной Азии. Но в равной степени Россия может потерять такую возможность, если интересы и усилия США и Китая в энергетической сфере совпадут. По мнению некоторых китайских аналитиков, «худшим кошмаром для России является сотрудничество США с Китаем и другими азиатскими странами — потребителями газа, подталкивающее Кремль к понижению цен на газ» [17, р. 606]. Подобные прецеденты уже случались. Например, в 2007 г. Китай и главная американская энергетическая компания Эксон Мобил (оператор проекта Сахалин-1) пришли к соглашению, что Китай будет импортировать значительный объём нефти с месторождения Сахалин-1.

Госдепартамент США предложил проект нейтрализации транзитно-транспортных и иных возможностей России в АТР путём реструктурирования регионального пространства. Решение ряда региональных проблем предполагается через создание стратегических треугольников («новых трёхсторонних возможностей») по образцу отношений США — Япония — Республика Корея. Среди участников таких трёхсторонних комбинаций названы Казахстан, Монголия, Южная Корея и Япония [8] — страны, активно сотрудничающие с Соединёнными Штатами. Цепочка этих государств географически формирует своеобразный транзитно-транспортный коридор между Европой и Азией, на роль которого претендует Россия. При этом Монголия и Казахстан являются очевидной ресурсной альтернативой России. Одновременно это некий «буфер» между Россией и Китаем, союз которых способен усилить обе страны. В таком геополитическом раскладе Россия (прежде всего тихоокеанская её часть) «обтекается» по дуге стран Центральной и Восточной Азии и становится излишней в доступе США и их союзников к транзитным, энергетическим и иным ресурсам региона.

Возможности России в качестве потенциального партнёра и союзника Соединённых Штатов в противодействии глобальному усилению Китая также рассматриваются американским политико-академическим сообществом. Американское общество не готово принять Китай в качестве

нового мирового лидера. Известный политолог З. Бжезинский, входящий в пятёрку наиболее влиятельных учёных-международников Соединённых Штатов, практически во всех своих работах пытается доказать, что без лидерства США мировое сообщество ждёт хаос. «Если наступит упадок Америки, то непохоже, что в мире будет господствовать единственный выдающийся преемник — это даже не Китай. Наиболее вероятным результатом всего этого может стать международная неопределённость, вызванная напряжённостью между глобальными конкурентами, или даже откровенный хаос» [7]. Бжезинский уверен, что Китай пока не готов к роли мирового лидера. Более того, его быстрое возвышение может сплотить против него другие страны, включая Россию и Соединённые Штаты. Он не исключает, что на каком-то этапе подъём китайского национализма может даже «разрушить международные интересы самого Китая», поскольку есть вероятность, что соседи Китая — Индия, Япония и Россия — будут искать поддержку у слабеющей Америки, с тем чтобы «поставить на место» чрезмерно возвысившийся Китай.

Американские эксперты прямо говорят, что подъём Китая является главной угрозой не только Соединённым Штатам, но и России. Это даёт возможность Вашингтону «более тесно работать с другими главными мировыми державами, включая Россию» в направлении формирования «такой международной среды, которая побудила бы Китай работать в её рамках и заставила его принять существующий глобальный порядок» [16], фактически означающий доминирование Америки. Интересы национальной безопасности США в контексте «китайского вызова» являются потенциальной основой для расширения сотрудничества двух стран. Они настолько важны для Америки, что эксперты даже призывают своё правительство игнорировать имеющиеся в России недемократические явления, чтобы не разрушать российско-американские отношения и не подталкивать Москву к Пекину. «Учитывая, что на кону стоят жизненно важные американские интересы, а влияние Вашингтона на медленную демократическую трансформацию России ограничено, Соединённые Штаты не должны позволить продвижению демократии стать доминантой своего подхода к России» [16].

Важнейшим направлением конструктивного взаимодействия РФ и США может стать сотрудничество в сфере энергетики. Россия является одним из центров мировых углеводородных запасов. Это позволяет российскому Дальнему Востоку играть важную роль в действующих и перспективных международных энергетических проектах (ВСТО, проекты серии «Сахалин», трубопровод на Корейский полуостров). Поэтому политики и учёные США ставят перед своим правительством задачу расширения российско-американского энергетического диалога, а также устранения препятствий для двусторонних инвестиций, торговли и научных исследований.

Азиатские аналитики нередко воспринимают ресурсно-энергетический потенциал России весьма негативно — как средство воздействия

Москвы на страны АТР. Так, несмотря на то, что экспорт российских углеводородов из Сибири нацелен на Китай, именно китайские авторы критикуют Москву за стремление к «природно-ресурсному национализму» и попытки оказывать давление на своих азиатских соседей в качестве «энергетического лидера». «Россия надеется играть лидирующую роль в создании энергетического альянса с участием Китая и Кореи посредством строительства сети газопроводов и экспорта по ним газа. В то же самое время Россия получает удовольствие от своей выжидательной политики с тем, чтобы получить лучшие условия для работы с тремя главными мировыми потребителями газа — Китаем, Японией и Южной Кореей, заставляя их между собой конкурировать» [17, р. 607].

Перспективным направлением сотрудничества США и РФ в АТР являются обеспечение ядерной безопасности и нераспространение ядерного оружия. С экстраполяцией на Дальний Восток России это означает возможность активизации сотрудничества двух стран в области решения северокорейской ядерной проблемы. Для Тихоокеанской России данный сюжет особенно актуален из-за соседства с КНДР, ядерные полигоны которой находятся примерно в 160 км от границы с Приморским краем. При этом американская сторона считает, что Россия имеет лишь весьма ограниченное влияние на Северную Корею. Тем не менее «экономические трудности Пхеньяна, и в частности, заинтересованность в российских энергоресурсах, могут обеспечить Москве некоторые рычаги влияния. Обладая постоянным членством в Совете безопасности ООН, участвуя в шестисторонних переговорах на фоне соседства с Северной Кореей, Россия может побудить Северную Корею что-то предпринять, чтобы снизить ядерную угрозу транспарентным и верифицированным способом» [16]. Можно предположить, что значимость для Соединённых Штатов сотрудничества с Россией по северокорейской ядерной проблеме возрастёт в случае нежелания Китая отказаться от его стратегии поддержки КНДР, а также по мере усиления «провокационного компонента» во внешней политике Пхеньяна.

Стремление Соединённых Штатов заручиться поддержкой России в АТР связано также с актуализацией проблемы т.н. морских споров между Китаем и союзниками США — Японией и Республикой Корея — за морские ресурсы (природные, транспортно-судоходные, военно-стратегические и т.д.). Одной из причин усиления конфликтности в СВА является, по мнению профессора Бостонского университета Томаса Бергера, китайский национализм, в основе которого лежит экономический и военный подъём Китая. Автор не исключает вероятности вовлечения в региональные морские конфликты и США. «С подъёмом Китая и военным ростом стран региона потенциал для конфликта будет возрастать. Поэтому в условиях возрастания опасностей в отношениях между Китаем и американскими союзниками... Соединённые Штаты должны прояснить, какую позицию они займут в этих

спорах» [6]. Данное заявление в полной мере относится и к России, имеющей протяжённую морскую границу в АТР.

Поскольку политика США в отношении Тихоокеанской России носит ситуативный характер, то упоминания о ней официальным Вашингтоном являются скорее исключением, чем правилом. Таким исключением стали высказывания госсекретаря Х. Клинтон на саммите АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г., отметившей, что у США «нет проблем с Россией, играющей ответственную роль в Азии. На деле мы приветствуем это. Соединённые Штаты хотят углубить своё экономическое сотрудничество с Россией в Азии, на Дальнем Востоке» [15].

После открытия российского Дальнего Востока внешнему миру на рубеже 80—90-х гг. XX в. Соединённые Штаты Америки наряду с ближайшими азиатскими соседями России — Китаем, Южной Кореей и Японией — стали весьма значимым контрагентом Тихоокеанской России. Именно в 1990-е гг. США проявили наибольший за последние двадцать лет интерес к дальневосточному региону. Это период активного экономического, политического, гуманитарного присутствия Америки в Тихоокеанской России. Например, в 1998 г. Вашингтоном была сформулирована «Американская правительственная стратегия для российского Дальнего Востока». Она разъясняла, что программа помощи правительства США Дальнему Востоку ведётся с 1992 г. и включает в себя задачи создания базовых институтов рыночной экономики, формирования основных управленческих навыков, обеспечение малому бизнесу доступа к кредитам, содействие американской торговле и инвестициям в регионе, поощрение неправительственных организаций, независимых СМИ и институтов гражданского общества.

Внимание Соединённых Штатов к Тихоокеанской России объясняется рядом причин, актуальных и сегодня, в т.ч. ресурсно-сырьевым фактором (значение которого не следует преувеличивать) и интересами национальной безопасности. Если в 1990-е гг. обеспечение национальной безопасности Вашингтон видел через превращение постсоветской России в рыночно-демократическую страну по типу западных демократий, то в настоящее время внимание к российскому Дальнему Востоку детерминировано прежде всего «китайским фактором». Под «китайским фактором» помимо прочего подразумевается критичное усиление влияния Китая на Тихоокеанскую Россию. По мнению Ренселлера Ли (эксперта Исследовательского института внешней политики, г. Филадельфия), сегодня США и их азиатские союзники «имеют очевидный интерес к развитию Дальнего Востока России как с целью получения доступа к природным богатствам региона, так и с целью недопущения захвата Китаем первых ролей в решении вопросов политики развития региона» [13]. Американский аналитик уверен, что сотрудничество с США и их союзниками на Дальнем Востоке выгодно и России, поскольку, сдерживая растущее влияние Китая в регионе, другие

тихоокеанские государства «могут даже укрепить российский суверенитет», защищая при этом свои собственные интересы в Северо-Восточной Азии.

Ресурс, который может заинтересовать российские власти, по мнению Р. Ли, это американские инвестиции и технологии, направленные на Дальний Восток. «Инвестиции и технологии США могут оказать большую поддержку России в освоении и управлении необъятной ресурсно-сырьевой базой своих восточных территорий» [13]. Второе возможное направление сотрудничества РФ и США в Пасифике — военно-политическое, вплоть до создания стратегического союза. Такой стратегический союз между Москвой и Вашингтоном в АТР отвечает краткосрочным интересам обеих стран путём установления определённых ограничений на рост сферы влияния Китая. Роль российского Дальнего Востока во внешнеполитической и оборонной стратегии Америки будет только возрастать по мере реализации новой (2012 г.) военной стратегии США, сформулированной как ответ «китайскому вызову» в АТР. В долгосрочной перспективе лучшим подходом, как считают американские эксперты, могли бы стать всеобъемлющие региональные соглашения в области экономики и безопасности.

Очевидно, что сотрудничество России и Соединённых Штатов в Тихоокеанском регионе логичнее всего осуществлять посредством расширения экономических и гуманитарных связей на Дальнем Востоке, где, во-первых, особенно заметно китайское влияние, воспринимаемое с опаской местным населением, а во-вторых, есть некий задел, «плацдарм», наработанный американским бизнесом и политикой ещё в 1990-е гг. В таком контексте нельзя исключать вероятности возрастания интереса США к Тихоокеанской России в ближайшей перспективе. Проблема состоит в том, найдёт ли американское «внимание» позитивный отклик в Москве. Учитывая стойкие антиамериканские настроения в российской элите, вероятность такого развития событий невелика.

Проводником и индикатором американской политики на российском Дальнем Востоке является Генеральное консульство США во Владивостоке, действующее с 1992 г. Расширение или, наоборот, свёртывание экономических, образовательных или обменных американских программ во Владивостокском консульском округе, как правило, свидетельствует об изменениях политики Москвы и Вашингтона. В настоящее время работа генерального консульства США во Владивостоке сконцентрирована на оказании консульских услуг американским и российским гражданам, а также на информационном и образовательном направлении, что наглядно иллюстрирует минимальное американское присутствие в Тихоокеанской России. С принятием правительством РФ решения (сентябрь 2012 г.) прекратить деятельность на территории России Агентства США по международному развитию (USAID) было практически полностью свёрнуто региональное российско-американское сотрудничество.

Экономическому взаимодействию российского Дальнего Востока с тихоокеанскими штатами США сегодня содействует лишь представительство Министерства сельского хозяйства США во Владивостоке. Оно было организовано для продвижения американской сельхозпродукции и продуктов питания на Дальний Восток России и расширения деловых связей между американскими экспортёрами и российскими импортёрами.

В настоящее время Тихоокеанская Россия перестала быть сколько-нибудь значимым экономическим контрагентом Соединённых Штатов. Так, во внешней торговле ДВФО по итогам 2012 г. Соединённые Штаты занимают лишь 5-е место после Республики Корея, Китая, Японии, Индии. Их доля составляет всего 2,5% (менее 800 млн долл.). (Для сравнения — в 1995 г. она достигала 16%; США занимали 3-е место во внешней торговле Дальнего Востока.) При этом Америка практически не ввозит дальневосточные товары, но экспортирует в ДВФО свои, что составило в 2012 г. 5% от всего дальневосточного импорта (около 760 млн долл.). В настоящее время США являются главным торговым партнёром лишь Чукотского автономного округа. Доля американских инвестиций на Дальнем Востоке сегодня минимальна — 0,1% в общем объёме инвестиций. Даже у традиционно не инвестирующего в Дальний Восток Китая она заметно выше — 1% [3].

Минимально необходимые отношения российских и американских властей и бизнеса регионального уровня поддерживаются через РАТОП — Российско-Американское Тихоокеанское партнёрство, преемника некогда весьма эффективно работавшей межправительственной структуры — Инициативной рабочей группы «Российский Дальний Восток — Западное побережье США». В настоящее время работают только три сектора РАТОП: транспорта и торговли, энергетики и высоких технологий, природоохранной деятельности и туризма. Эти секторы отражают сохранившиеся экономические связи двух стран в Тихоокеанской России, а также заинтересованность США в данных сферах дальневосточной экономики. Американское экономическое присутствие в Тихоокеанской России связано с участием корпорации Эксон Мобил с инвестиционным вкладом 10 млрд долл. в международном нефтегазовом проекте Сахалин-1.

Деятельность РАТОП в поддержании межрегионального российско-американского делового и гуманитарного партнёрства во многом содействовала привлечению внимания Москвы и Вашингтона к Тихоокеанской России и была высоко оценена на саммите АТЭС—2012. По заявлению американской стороны, «форум РАТОП служит для взаимодействия представителей бизнеса и власти в целях укрепления деловых связей между нашими тихоокеанскими побережьями, Соединёнными Штатами и российским Дальним Востоком. Мы хотим больше деловых и человеческих контактов, что свяжет теснее наши страны и сделает эту часть России ближе к Аляске и нашему Западному побережью» [15].

На саммите АТЭС во Владивостоке Россией и США были подписаны документы, особенно значимые для взаимодействия тихоокеанских регионов обеих стран: Соглашение о межрегиональном сотрудничестве и Соглашение о создании охраняемого совместного природного комплекса «Берингия» на территориях Чукотки и Аляски. Было отмечено, что Соединённые Штаты и Россия стремятся к углублению сотрудничества и укреплению связей в районе их общей границы в Беринговом проливе. Стороны на основе консультаций с местными и племенными властями договорились о создании особо охраняемой природной территории — трансграничной зоны «Берингия», соединяющей создаваемый Национальный парк «Берингия» на Чукотке с природным заповедником «Берингов сухопутный мост» и мемориальной зоной «Национальный памятник» на мысе Крузенштерна на Аляске [11]. Кроме того, был решён вопрос о либерализации визового режима между РФ и США на 2012—2015 гг., возобновлены авиарейсы между Анкориджем и Камчаткой, открыты сезонные авиалинии между Владивостоком и «подведомственным» Америке о-вом Сайпан.

Очередное, 18-е ежегодное заседание РАТОП прошло во Владивостоке 17—18 сентября 2013 г. В его работе приняли участие более 100 представителей бизнеса, органов государственной власти, общественных организаций Дальнего Востока России и Западного побережья США. По мнению американского сопредседателя РАТОП Дерика Норберга, отсутствие информации для зарубежных компаний о тендерах, проводимых на Дальнем Востоке, является одним из главных препятствий для более интенсивного проникновения американского капитала на Дальний Восток и развития в регионе конкуренции. Для компаний США сегодня интересны горнодобывающие, нефтегазовые проекты и гостиничный бизнес. В то же время международный туризм и игорная зона в Приморье, на которые рассчитывают местные власти, пока не привлекают американцев. Они едут за «экстримом», охотой и рыбалкой на Камчатку. Препятствием для развития туризма с Америкой также являются очень высокие цены на гостиничные услуги и авиаперелёты.

Таким образом, и сегодня сохраняется определённый интерес американских властей и бизнеса к российскому Дальнему Востоку. Главная причина такого внимания — проблема национальной безопасности США на фоне растущего влияния Китая. При этом, однако, не стоит преувеличивать разногласия и конфликтность в отношениях Вашингтона и Пекина. Кроме того, потенциал международного сотрудничества РФ и США ещё далеко не исчерпан. Тем не менее наличие устойчивых антиамериканских настроений в российском обществе [1], а также усиление прокитайского вектора в политике Москвы становятся труднопреодолимым препятствием для формирования конструктивных и устойчивых российско-американских отношений в АТР. В таких условиях взаимодействие России и США может стать более продуктивным лишь в формате трёхстороннего сотрудничества «РФ— КНР— США».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гарусова Л.Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России // Россия и АТР. Владивосток. 2010. № 1. С. 78—86.
2. Гарусова Л.Н. Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико-академического сообщества (2011—2012) // Россия и АТР. Владивосток. 2012. № 2. С. 122—134.
3. Итаров Е. Почему Россия гордится членством в АТЭС? // Дальневосточный капитал. 2012. г. Владивосток. № 8. URL: <http://www.zrpress.ru/dk/2012/08/56208/> (дата обращения: 09.11.2012).
4. Уэнделл М. Эксперты сомневаются, что Китай окажет влияние на Северную Корею... // Российско-корейское информационное агентство. 2013. 16 марта. URL: <http://www.ruskorinfo.ru/articles/politics/8051/> (дата обращения: 11.04.2014).
5. APEC: 20th Annual Leaders' Meeting. 2012. Sept. URL: <http://www.state.gov/r/prs/ps/2012/09/197530.htm> (дата обращения: 22.10.2013).
6. Berger T.U. Navigating a Sea of Troubles: U.S. Alliances and maritime disputes in East Asia // EAI. 2012. June 19. ASI Scholars Program URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=&code=eng_multimedia&idx=11157&page=1 (дата обращения: 07.02.2013).
7. Brzezinski Z. After America // Foreign Policy. 2012. Jan. / Febr. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/after_america (дата обращения: 19.05.2013).
8. Clinton H.R. America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. November. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century (дата обращения: 17.03.2014).
9. Clinton H.R. Remarks on regional architecture in Asia: Principles and Priorities. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm> (дата обращения: 05.03.2012).
10. Cole J. Michael. Can a China-Russia Axis Bankrupt the US? 26.12.2013. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20131226/216041191.html> (дата обращения: 15.04.2014).
11. Joint Statement of U.S. Secretary of State Hillary Clinton and Russian Minister for Foreign Affairs Sergey Lavrov on cooperation in the Bering Strait Region. URL: <http://www.state.gov/r/prs/ps/2012/09/197522.htm> (дата обращения: 22.10.2013).
12. Kim Young Ho. The new US Defense Strategic Guidance and its implications for South Korean security // EAI ASI Scholars Program. 2012. Febr. 09. URL: http://www.eai.or.kr/type/panelView.asp?bytag=p&catcode=&code=eng_report&idx=10834&page=1 (дата обращения: 27.05.2012).
13. Lee R. The Far East between Russia, China, and America // Foreign Policy Res. Inst. 2012. July. URL: <http://www.fpri.org/enotes/2012/201207.lee.fareast.html> (дата обращения: 26.09.2012).
14. National Security Strategy. Washington: The White House, May 2010. Washington: The White House) URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 14.10.2011).
15. Press availability in Vladivostok, Russia. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/09/197534.htm> (дата обращения: 05.05.2014).
16. Russia and U.S. National Interests: Why should Americans care? A report of the Task Force / Belfer Center for Science and International Affairs. Oct. 2011. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/> (дата обращения: 09.02.2012).
17. Se Hyun Ahn. Framing energy security between Russia and South Korea: Progress, problems and prospects // Asian Survey. 2010. Vol. 50, № 3 (May / June). P. 591—615.
18. Sustaining U.S. Global leadership: Priorities for 21st Century defense. URL: www.defense.gov/.../Defense_Strategic_Gui (дата обращения: 11.03.2013).
19. The Ivory Tower Survey. How IR scholars see the world // Foreign Policy. 2012. URL: Jan / Febr. — http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/the_ivory_tower?page=full (дата обращения: 06.05.2012).
20. US, South Korea Agree on plan of North Korea attacks. March 25, 2013. URL: <http://www.military.com/daily-news/2013/03/25/us-skorea-agree-on-plan-if-nkorea-attacks.html> (дата обращения: 04.05.2013).
21. Yun J. The Rebalance to Asia: Why South Asia Matters. Statement Before the House Committee on Foreign Affairs Subcommittee on Asia and the Pacific. Washington, DC, 2013. Febr. 26. URL: <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2013/02/205208.htm> (дата обращения: 23.04.2014).